

МАРИЯ ЛЕТОВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

BOZHAK

Вожак

Мария ЛЕТОВА

Вожак

«Автор»

2020

Летова М.

Вожак / М. Летова — «Автор», 2020 — (Вожак)

Мой муж - самый влиятельный человек в городе. Когда-то я любила его больше жизни, а теперь ненавижу. Я знаю, что он вернется за мной и своим сыном, но никогда не впущу его в свою жизнь снова...Содержит нецензурную брань.

© Летова М., 2020

© Автор, 2020

Мария Летова

Вожак

Глава 1

Ненавижу ЕГО.

Улыбаюсь официанту и беру с подноса бокал шампанского.

ОН ненавидит, когда я пью.

Изображаю участие в беседе, а на самом деле наливаюсь мстительным удовольствием, поймав на себе тяжёлый взбешённый взгляд.

– Мира, ты умеешь удивлять, – нервно смеётся хозяйка вечера, она же мать моего мужа. – Как только решилась?..

Последнюю фразу она произносит себе под нос, бросив на меня опасливый взгляд.

– Такой каприз, – пожимаю я плечом, делая ещё один большой глоток.

Женщина всё больше напрягается, потому что, пересекая зал, ко мне спешит мой супруг.

Ненавижу его.

Мне не страшно.

Он ни разу в жизни меня не ударил. Даже оплеуху не отвесил. У него другие методы – это раз. Ну а два – вряд ли я выжила бы даже после малюсенького его удара. Он не огромный, он среднего роста. Когда я на каблуках, мы вообще почти одинаковые. Но... уж мне ли не знать, какой он сильный. Какое каменное и пуленепробиваемое тело запаковано в этот строгий чёрный костюм. На его теле каждую мышцу можно пометить красным флажком.

Ненавижу его.

Тёмные цепкие глаза впиваются в моё лицо. Под чёрной щетиной ходят желваки.

Приторно ему улыбаюсь, проводя рукой по своим коротким, чуть ниже ушей, волосам.

Когда мы виделись в последний раз (это было сегодня утром), у меня была коса. Конечно, это условно. Косу я не ношу со школы. Но я была владелицей тяжёлой массы светлых волос длиной до пояса. Кстати говоря, я натуральная блондинка. Это от бабушки. Можно спокойно изображать из себя хорошенькую дурочку.

Он любил мои волосы. Любил наматывать их на кулак, когда трахал меня. Любил, когда я их распускала просто так.

Ненавижу его.

Ну разве не чудесный сегодня день?

– Иди в машину, – приказывает мой супруг, оказавшись рядом.

Наш небольшой светский кружок окутывает гробовая тишина.

– Марат... – пытается урезонить его мать.

Он смотрит только на меня. Бешеный.

– Я только оттуда, – хлопаю глазами, глядя в ненавистное точёное лицо.

– Пошла отсюда, – тихо, но очень доходчиво повторяет он, вырывая у меня из рук бокал.

Пфффффф...

Да пожалуйста...

– Была рада всех видеть! – объявляю жизнерадостно, приседая в реверансе.

Опущенные в пол глаза. Неловкость. Жалость. Да-да, это те эмоции, которые я, как правило, вызываю у знакомых и не только.

Весь город знает, что я его ненавижу. Я не делаю из этого секрета. Вообще, мне кажется, что его ненавидят абсолютно все. Ну, возможно, кроме родителей и брата.

Взмахнув рукой, удаляюсь, придерживая подол своего облегающего вечернего туалета.

Не думайте, как по мне, вечер удался.

Ничего так не питает меня энергией, как выведение его из себя.

Два охранника тут же отделяются от стены и следуют за мной.

Они тоже меня жалеют.

Все меня жалеют.

Располагаюсь на заднем сиденье машины со всеми удобствами. Куковать мне здесь долго, поэтому достаю из сумочки наушники и включаю музыку, на большее меня в такие часы не хватает. Никаких книг, ничего, что заставило бы меня думать и концентрироваться.

Обнимаю себя руками и закрываю глаза, пристроив голову на дверь.

Может, я даже посплю немного.

Он приходит через два часа.

– Я писать хочу, – сообщаю ему о своей базовой потребности.

– Писай, – безразлично бросает он, расстёгивая пиджак и усаживаясь поудобнее. –

Поехали, – а это уже водителю.

Здесь никто ничего не делает, пока он не отдаст прямого приказа. Если он велел мне идти в машину, значит, я буду сидеть в машине.

Смотрю на проносящийся за окном город.

На окна домов, за которыми люди. Семьи. Дети.

Ненавижу его.

Я думала, что никогда не прощу ему аборт. Но сейчас мне уже всё равно.

Знакомая тяжесть заполняет грудь. Давлю её всеми силами. Всё это уже в прошлом, причём в далёком.

Мне было восемнадцать, когда мы поженились. Ему тоже. Его отец – владелец самого крупного в городе завода, и чёрт знает, чем ещё они там занимаются. Ничего не хочу об этом знать. Мой отец – очень уважаемый человек в диаспоре. Завода у него нет, только дочь. В общем, они хотели породниться.

– Где волосы? – спрашивает мой муж.

Ненавижу его, я уже говорила?

– Выбросила, – сообщаю любезно.

– Куда? – уточняет он.

– В реку, – улыбаюсь сама себе.

А я не дура, да?

Знала, что он будет их искать. Чёртов фетишист.

Наш дом находится за городом. За его заборами и неба не видно. Охрана на въезде быстро пропускает кортеж, а я зеваю.

В дом заходим молча. Молча поднимаемся наверх. Скидываю туфли посреди мягкого ковра и встречаю своего любимого компаньона.

– Привееееет, горячий перчик... – воркую, подхватывая на ручки своего пса.

Он той-терьер. Его зовут Чили. Целую милую морду и иду в ванную, скидывая по дороге платье.

После душа облачаюсь в шёлковую сорочку (муж других терпеть не может, ненавижу его) и ложусь в постель.

Он приходит через пятнадцать минут. Забирается под одеяло и накрывает меня своим телом, растолкав мои бёдра своими. Впивается в мой рот своим жёстким ртом, наполняя его своим языком. Глубоко и жадно.

По телу проходит чувственная дрожь...

Ненавижу его и его потаскух...

Горячие руки скользят по моему телу. Горячие губы впиваются в мою шею. Сорочка оказывается на талии. Он жадно вдыхает запах моей кожи, вбирая в рот сосок, толкаясь в меня своей эрекцией. Шире развожу ноги, впиваясь пальцами в его спину.

Хочу его...

Ненавижу...

Ненавижу его...

К глазам подкатывают слёзы... всхлипываю, сжимаясь вокруг его каменной длины. Его запах пускает по венам огонь. Вскрикиваю, когда он входит до конца с шумным вдохом. Вскрикиваю и плачу.

– Нет... – шепчет он, вращая бедрами так, как нужно мне. Обхватывает одной рукой мою голову, уткнувшись носом в мою щёку. – Будь со мной...

– Ненавижу тебя, – шепчу, плача.

– Будь со мной, – требует он хрипло, высекая из меня стоны каждым ударом.

Сжимаю бедрами его талию, вцепившись зубами в его плечо, чтобы не просить ещё и ещё...

Он знает...

Он всё обо мне знает. Мы женаты уже четыре года.

Стону, сотрясаемая оргазмом. Хватаюсь за сильное тело и прижимаюсь носом к его влажной шее. Дышу им жадно. Он тоже стонет, наполняя меня собой.

Горячо...

Стонет и сжимает в кулаке мои волосы.

Собирает губами и языком слёзы с моих щёк, вдавливая меня в матрас бедрами.

– Обрежешь ещё раз – пожалеешь, – обещает мне вкрадчивым шёпотом, лаская ухо тёплым дыханием.

Ненавижу.

Ненавижу его.

Глава 2

– Я хочу развод, – объявляю, намазывая на крекер джем.

Облизываю палец, глядя на НЕГО.

Он поднимает глаза от документов, которые его помощница Милена притащила прямо к завтраку.

Мы всегда завтракаем вместе. Потому что ОН так хочет. Он знает, как я ненавижу наши совместные завтраки. Почти так же, как ненавижу его самого.

Развода я прошу пару раз в месяц. Это рутина.

Разумеется, это лишь светлая мечта. Никто не даст мне развода. Семья не поймёт. И он... он никогда не отпустит...

Ненавижу...

– Помолчи, – велит мне супруг, возвращаясь к документам.

Милена тоже меня жалеет. Сейчас она нервничает. Правильно делает. У меня плохое настроение.

Многие боятся моего плохого настроения. Но ведь мне за это ничего не будет. А если... если он когда-нибудь меня ударит...

О... этого я точно не прошу...

Я сбегу. Найду способ.

Так беги...

Сбегу...

Беги...

И сбегу...

Куда мне бежать?

Трусиха...

– Когда мы разведёмся, – продолжаю, скармливая крекер Перчику, который сидит на столе и улыбается мне, дурачок. ОН ненавидит, когда я сажаю пёсика на стол. – Я оставлю здесь всё, что ты мне покупал. Ни одной нитки не возьму с собой. Ни одной побрякушки...

– Закрой рот.

Скармливаю Перчику виноградину.

– ...когда мой отец умрёт, я получу своё наследство... – продолжаю мечтать, хрустя крекером.

– Выйди отсюда.

– ...и уеду далеко-далеко...

– Пошла. Вон.

Вздыхаю.

С удовольствием.

– Приятного аппетита, – желаю, вставая и подхватывая своего пса. – Дерьмового дня.

Не тружусь на него смотреть.

В дверях сталкиваюсь с Аидом – его двоюродным братом, который кривовато мне улыбается. Они очень похожи, но Марат... он другой... их невозможно спутать. Мой муж вообще не улыбается. По крайней мере, я этого не видела с... даже не знаю... с того дня, когда умер его старший брат? Это было... больше трёх лет назад...

Чёрт с ними, с его улыбками!

Преимущество моего положения заключается в том, что я не обязана строить из себя радушную хозяйку. Абсолютно все знают, что Марат Джафаров вытирает о свою жену истоптанные в дерьме ноги. Поэтому я просто прохожу мимо, не обременяя себя приветствиями.

Прежде чем выйти за дверь, бросаю взгляд на своего супруга, чувствуя мерзкую горечь во рту и болезненный предательский укол в сердце. Всегда смотрю на него, прежде чем уйти. Всегда думаю, что могу больше его не увидеть. Не знаю, откуда эта мысль. Ненавижу себя за то, что мне от этого так страшно.

Он сидит за длинным дубовым столом, откинувшись на стуле и вытянув перед собой ноги. Гладковыбритый и причёсанный. Чёрные волосы отброшены со лба. На нём белая рубашка и брюки. В руках какой-то толстенный контракт. Его тело не просто подтянутое, оно в идеальном состоянии. И внутри и снаружи. Я знаю, что к вечеру опять пробьётся щетина и он будет царапать меня ею, если никуда не уедет. Он никогда не ставит меня в известность о своих передвижениях. Но, если он будет дома, мы будем заниматься сексом в нашей постели. И спать мы будем вместе. Ненавижу ЭТО. Ненавижу его.

Он смотрит на меня. Смотрит мне в глаза через всю комнату. Смотрит исподлобья. Он всегда смотрит и знает о моей идиотской привычке.

Ненавижу.

Прижимаюсь губами к ушастой головке Перчика, единственного на свете существа, которому я не безразлична... и отворачиваюсь.

Ухожу, прикрыв за собой дверь. Навстречу очередному бессмысленному дню.

Я не покидала город никогда.

Я и дом покидаю редко.

Дом...

Прохожу через холл к раздвижным стеклянным дверям, которые ведут к бассейну.

На мне платье в горошек и балетки. Ну и что? Кому какое дело?

Ложусь на шезлонг, расположив Чили на коленях, и просто смотрю на воду.

Наш дом как цитадель. Иногда мне кажется, что даже птицы не летают над домом Марата Джафарова. Здесь есть всё, что нужно, даже кинотеатр. Я люблю им пользоваться. Хотя я всегда там одна, то есть мы с Перчиком там одни.

Когда мне становится жарко, встаю и сбрасываю балетки.

Опускаю собаку на землю, а сама прыгаю в воду солдатиком. Она поглощает меня с головой. Холодная. Ещё не прогретая. Юбка задирается, пока я опускаюсь на дно, а потом возвращается на место, когда меня выталкивает обратно. Некоторое время лежу на поверхности

звездой, пока не начинают стучать зубы. Чили лает, носясь вдоль бортика, и я морщусь, глядя в небо.

Когда мы поженились, он был другим. Он был... таким... любимым. Безгранично. Единственным в целом мире. Самым необходимым. Я влюбилась с первого взгляда. С первого прикосновения. С первой его улыбки. Когда он улыбался мне, это было только для меня. Я не знала, любит он меня или нет. Но я хотела, чтобы он забрал меня к себе. Забрал от моего отца. Мечтала об этом. И он забрал.

А потом всё изменилось.

Когда умер его брат, он взял на себя обязанности. Иногда я забываю, что ему всего двадцать два. Он старше меня всего на три месяца...

У его брата осталась семья. Жена Диана и сын Зурам. Но я их уже несколько лет не видела. И никто не видел. Диана вообще нечасто появлялась на людях. Наверное, она уехала, я не знаю...

Выбираюсь из воды и иду в дом, оставляя за собой лужи.

Перчик семенит за мной, разрываясь от лая.

Марат ненавидит, когда Перчик лает.

Наша экономка Фати шарахается от меня, мужские голоса в холле стихают.

Мой муж и его кузен замирают у двери, привлечённые моим мокрым появлением.

Да, я порой бываю эпатажной.

Прохожу мимо, направляясь к лестнице. Затылок покалывает. Может хоть дыру на мне протереть. Я не обернусь.

Есть только одно место в доме, где я могу спрятаться ото всех. Это... НАША комната. Здесь нет камер, и сюда не ступала нога ни одного охранника. Эта комната – ТАБУ.

Я думаю, на это есть свои причины, на которые *мне* плевать.

Стою под тёплым душем целую вечность, окутанная паром.

В телефоне меня ожидает сообщение:

«19.00. Надень красное.»

Это значит, что в 19.00 я должна сесть в машину, которая отвезёт меня без разницы куда. Скорее всего, на какой-то ужин. В последнее время их стало слишком много. Он таскает меня туда по три раза в неделю. Мне опостытели все эти жалостливые взгляды.

Если они думают, что я живу в аду, то ошибаются.

Мой личный ад находится внутри меня.

Гнетущая боль и тоска по чему-то, чего я лишилась.

Что-то давно потерянное.

Что-то, что нужно мне больше всего на свете.

Любовь к мужчине, который её не заслуживает.

Глава 3

– Мира, – заинтересованно тянет Фариды, супруга нашего общего знакомого. – Ты так похудела! Это диета?

– Нет, – печально улыбаюсь я. – Упала с лестницы...

На её лице отражается шок. Взгляд мечется по залу в поисках моего супруга.

Я готова расхохотаться.

Я могу нести про него какую угодно околесицу. Они всему поверят. Они ждут от него самого худшего. Думают, что он дьявол во плоти. Может, они и правы, я уже ни в чём не уверена. Всё, что *они* могут, – это шептаться за его спиной и жалеть меня.

За последние годы он стал в этом городе... хозяином. На самом деле я почти ничего о его делах не знаю, только какие-то обрывки информации. Но в нашем доме от визитёров отбоя нет, кого я только там не видела. И ещё у него есть офис в центре, но я в нём никогда не бывала. Большую часть времени он работает из дома, если только не в отъезде.

Тоже нахожу его глазами, и лицо моё каменеет.

Рядом с ним Зара. Ненавижу её. Говорят... они трахаются много-много лет. Говорят, они были знакомы до... до «нас», учились вместе в Европе. Я нигде не училась. Она красивая как картинка. У неё чёрные волосы и роскошная фигура, и глаза чёрные, как в той песне. И они так смотрятся вместе... Я для него слишком высокая. И, кроме волос, во мне ничего примечательного...

Его физическое превосходство всегда компенсировало мой рост... он... сильнее... и крупнее... сильнее раз в сто...

Хватит!

Перевожу взгляд на бледное лицо Фарида и посылаю ей одну из своих жертвеннических улыбок.

– Я очень хочу... выпить... – шепчу пронзительно, заглядывая ей в глаза. – Только... не здесь...

– Ооо... – округляет их эта светлая душа. – Давай... я провожу тебя на кухню. Там что-нибудь найдём...

Улыбаюсь благодарно. Я практически не лукавлю. Я очень хочу выпить. Последний раз я напилась три месяца назад. Я тогда сильно расшиблась... свалившись с лестницы. Просто я была пьяна в стельку и споткнулась о платье. Он запретил мне пить вообще. Но я уже говорила: у меня с утра плохое настроение. И ещё я хочу забыть руку Зары на его плече. Хочу забыть намёк на улыбку. Улыбку, адресованную не мне...

Фарида оставляет меня один на один с бутылкой бурбона и погружённой в темноту кухней старого особняка, возвращаясь к гостям.

Забираюсь на высокий подоконник, поднося горлышко к губам. Она дала мне стакан, но я не хочу ломать колорит ситуации.

Огненная жидкость обжигает горло, отчего я закашливаюсь. Делаю сразу три глотка. Хочу напиться. Голова мгновенно мутнеет. Вот. Так хорошо. Откидываюсь на стекло и прикрываю глаза, перед которыми всё плывёт...

Начинаю копать во всяких воспоминаниях...

ЭТО началось не сразу, а как-то постепенно. Мы даже года не были женаты. Это были самые счастливые дни моей жалкой восемнадцатилетней жизни. В дом отца я и сейчас ни за что не вернусь.

Я не могла поверить в то, что он выбрал МЕНЯ!

Меня... не образованную красавицу Зару, а меня...

Я всегда его немного боялась. Несмотря на то что мы ровесниками, он был каким-то... зрелым... очень умным... и... очень нежным со мной. А потом он вдруг стал... трахать меня молча и молча уходить. Потом начал макать меня в дерьмо перед своей роднёй, а потом... и перед посторонними...

За что?

Я ничего не сделала! Я не знаю... до сих пор не понимаю...

Если я ему не нужна, почему не отпустит?! Однажды я набралась смелости и спросила...

Он выгнал меня из своего кабинета, спокойный как ледяная глыба...

А потом я забеременела... хоть он и предупреждал... но я была такой дурочкой...

Он прислал цветы в больницу после аборта. Я выбросила их в окно и больше ни разу не беременела.

Ненавижу... ненавижу его...

Мои глаза совершенно сухие. Я не плачу, потому что слёзы такое дерьмо, когда их не с кем разделить...

Моё внимание привлекают голоса где-то поблизости. Не хочу, чтобы меня кто-то здесь нашёл. Особенно он. Своим исчезновением я действую ему на нервы, поэтому буду прятаться до последнего. Однажды он заподозрил меня в том, что я поднялась вверх... с мужчиной...

В тот день я впервые испугалась того, что он меня ударит...

Воспоминания вызывают прилив холода, и я спешу потушить их очередным глотком, а потом слышу это...

Имя своего мужа...

– ...всегда с охраной... – шелестит незнакомый мне женский голос. – Даже среди гостей его охрана, каждый раз разные люди...

Ему вторит мужской...

Ну что за идиоты... шептаться о таком не за семью дверями! Кто так делает?

Со мной всегда ходит охрана.

Если я это слышу, значит, и она тоже.

Напрягаюсь, вглядываясь в полумрак кухни. Вижу силуэт в одном из тёмных углов. Они скоро на шею мне залезут.

Это я тоже ненавижу.

Там мужчина в костюме...

Он прикладывает палец к губам, прося меня молчать.

Сижу, не двигаясь, прижав к груди бутылку. Слушаю, закрыв глаза и не дыша.

– К нему так не подобраться...

– Через жену?..

Хриплый смех.

Горько кривлю губы.

– Жена у него так, для вида. Подстилка.

По моей щеке катится слеза.

Вот чёрт! Это... неожиданно.

Она такая горячая, что обжигает кожу.

Дальше я не слушаю.

Подношу горлышко к губам и глотаю, глотаю, глотаю...

Утираю рот рукой.

Я абсолютно пьяная.

Это всё объясняет. И меня шатает.

Голоса стихают, а мужчина выходит из тени.

– Вам хватит, – говорит он, протягивая руку к моей бутылке.

– Только тронь, – отвечаю не очень внятно, заваливаясь вперёд. – Оооо... ого... – хихикаю, падая ему на грудь и роняя бутылку на пол.

Она гремит на всю комнату...

Он слегка придерживает меня за плечи, деликатно помалкивая.

Они вообще со мной не разговаривают. Никто из них.

Меня так давно никто не обнимал. Просто так. Чтобы поделиться теплом. Успокоить.

Я очень пьяна...

– Как тебя... ик... зовут? – спрашиваю мужчину, пока он помогает мне спуститься с подоконника, подхватив за талию.

– Максут, – отвечает тот тихо, ведя шатающуюся меня в коридор, придерживая за локоть.

– А меня... ик... Мира... – сообщаю, шуря один глаз от яркого света.

Максут высокий. Очень. И обезличенный этой короткой стрижкой и суровой миной.

– Я знаю, – отвечает мой цербер, осматриваясь. – Не хотите... освежиться? – намекает он на то, что для всех будет лучше, если меня подадут в зал хотя бы чуть менее пьяной.

– Не желаю! – говорю, отталкивая его руки.

Хочу разозлить своего мужа так, чтобы...

Не знаю...

Максимально.

Ненавижу его.

На лице Максута искреннее беспокойство.

Он откашливается и смущённо бормочет, пряча глаза:

– Ваше платье...

Смотрю вниз на свой кроваво-красный наряд и вижу, что одна бретелька съехала. Поправляю её, смутившись сама. Кроме Марата меня голой никто никогда не видел. Мне неловко.

В зале все на меня пялятся. Во-первых, я в красном. Во-вторых, я Мира Джафарова, а на неё пялятся все и всегда.

Мой муж зол.

Его ноздри раздуваются. Даже его любовница нервничает, поглядывая то на него, то на меня.

А какой он с ней? Нежный? Или жёсткий? Или ещё какой-то?

Чтобы взбесить его ещё больше, закрываю глаза и начинаю оседать, якобы теряя сознание.

Максут дело своё знает, поэтому подхватывает меня и шипит:

– Прекратите.

Он утаскивает меня из зала напрямик в машину, под тяжёлым взглядом своего господина и ещё тридцати человек.

Ну вот, для вечера, на который я не хотела идти, всё закончилось на удивление чудно.

Глава 4

Мой муж приходит через три часа.

Ненавижу ожидание.

Это, пожалуй, то, что я ненавижу в своей жизни больше всего на свете в данную минуту. Бесконечное ожидание.

– Я писать хочу, – говорю ему, отрешённо глядя в окно.

– Закрой. Свой. Рот. – говорит он в свою очередь и велит водителю, как обычно занимая три четверти сиденья: – Поехали.

Максут, который уселся вперёд, смотрит на меня через зеркало заднего вида. Хмурый. Ещё одна светлая душа.

Я правда очень хочу в туалет. Мне кажется, ещё чуть-чуть, и я сделаю под собой лужу.

Если такое произойдёт, я покончу с собой.

Вообще, я всерьёз об этом никогда не думала, вряд ли я смогла бы. Но при достойном стимуле...

На лбу выступает пот.

Сажусь, сжавшись, и считаю секунды.

На него не смотрю.

Даже без этого его слишком много в этой машине. Его присутствие, его запах, его голос, пока он разговаривает по телефону, раздавая бесконечные указания. Он держит их все в голове, как и многое-многое другое. Память у него как у компьютера. И считает он так же. Он всегда точно знает, когда у меня месячные. Я сама так не слежу за циклом.

Я благодарна за то, что он меня игнорирует. Я даже не в состоянии напомнить о том, что ненавижу его.

Закрыв глаза, тихонько дышу.

Как только машина тормозит перед домом, выпрыгиваю из неё и несусь внутрь. Морщась и поскуливая.

Залетаю в туалет на первом этаже и блаженно делаю свои дела.
Вместе с физическим меня накрывает и душевное опустошение.
Сажусь на пол и просто закрываю глаза.
– Мира, – ломится в мой уютный туалет ненавистный голос.
Молчу, закрыв уши руками.
– Открой дверь.
У меня нет сил.
Сворачиваюсь на полу клубочком, желая заснуть.
Ненавижу.
На дверь обрушивается удар, и она с грохотом ударяется о стену.
Марат стоит надо мной, расставив ноги. Скольжу по ним безразличным взглядом, поднимая вверх глаза. Упираюсь ими в его недовольное лицо. Заросшее чёрной щетиной лицо.
– Вставай, – велит он, положив руки на бёдра и отодвинув назад полы пиджака.
За выбитой дверью полно зрителей.
Вяло отталкиваюсь от пола и пытаюсь подняться.
– Что-то никак, – вздыхаю пьяно и печально, глядя на него с вызовом.
Он приседает рядом на корточки и подхватывает пальцами мой подбородок, разворачивая к себе лицо.
Смотрим друг другу в глаза.
Я его не боюсь. Не боюсь! Не боюсь! Не боюсь!
Вижу своё отражение в этих чёрных холодных омуты, за которыми ничего не разоб-
брать! Чувствую дикую злость от этого холода! Стоит ему выйти за дверь нашей спальни, и он
будто забывает о том, как ласкал меня ночью! Упорно и основательно! Будто хотел вывернуть
наизнанку мою душу!
Мои глаза голубые. Отвечаю ему тем же! Тем же холодом!
Он сжимает челюсти и обманчиво мягко говорит:
– Если не хочешь расстаться со своей крысой, приведи себя в порядок и через пять минут
будь в моём кабинете.
– Ты... – задыхаюсь от злости и толкаю его плечи. Хватаюсь за его рубашку и ору, повис-
нув на нём: – Только попробуй! Слышишь! Я... я...
Он отталкивает мои руки и встаёт, бросив незаинтересованное:
– Ты что?
Смотрю на него. Потом смотрю ЗА него. Где охрана прячет глаза, жалея меня. Там пять
человек. И все смотрят.
Как же я ненавижу это...
– Я... вскрою себе вены... – дрожащим, но очень убедительным голосом сообщаю ему.
Мой муж мгновенно оказывается на коленях и хватает меня за вырез платья, дёргая на
себя.
Наши лица почти соприкасаются. Моё лицо опалает его драконье дыхание.
– Что ты сказала? – кошмарно угрожающе требует он.
Сглатываю. Я готова поклясться... что видела в его глазах... страх?..
Я... я не знаю...
Мне показалось...
У меня вообще в глазах троится... я так напилась... прямо, как и хотела...
Его цепкий взгляд блуждает по моему лицу. Внимательный, ничего не упускающий.
– Я покончу с собой... – повторяю более упрямо, начиная заводиться, злиться и сопеть.
Чтобы там ни было в его глазах, ЭТО сменилось насмешкой и спокойствием.
Ненавижу...
– Из-за собаки? – уточняет мой муж, выгнув бровь и ослабляя свою хватку.

– Да, – отвечаю твёрдо, сжав губы.

Я бы могла такое сделать. Просто из вредности.

– Ну и дура, – брезгливо бросает он, отталкивая меня прочь и заставляя почувствовать себя именно такой.

Дурой, которая вскрыла вены из-за той-терьера!

– Пять минут, – напоминает он, выходя через развороченную дверь.

Ненавижу.

ШЕСТЬ минут спустя я сижу в кресле для посетителей. В соседнем кресле сидит Максут. Фати принесла мне травяного чаю, который я забрала из её рук с благодарностью. Она прощлась нежной ладонью по моим волосам и тихонько удалилась, моя любимая фея-крёстная. Я солгала: есть ещё одно существо на свете, которому я не безразлична, – это наша экономка.

Вдыхаю ароматный душок, поднеся кружку к губам. Не знаю, что это такое, но я трезвею с двух глотков.

– Узнаешь женщину, если услышишь ещё раз? – спрашивает мой ненавистный муж, погрузившись в глубокое хозяйское кожаное кресло.

– Вряд ли, – говорю, глядя сквозь него.

Зачем её узнавать? Она наверняка безмозглая идиотка, значит, сама попадётся.

– Максут, можешь идти, – снисходит наш господин, отпуская охранника. – Найди мне этих дебилов поскорее.

Вот и я о том же.

Максут мог бы сцапать их на месте, но у него ведь была другая задача. Он должен был ходить за мной тенью.

Мужчина бросает на меня быстрый взгляд исподлобья, вставая. Стараюсь на него не смотреть. Он видел мою грудь. Одну. Ну, почти видел...

Посторонние мужчины вообще на меня никак не реагируют. Будто я что-то бестелесное. Поэтому внимание Максута смущает вдвойне.

Когда за ним закрывается дверь, я остаюсь один на один с мужем в этой большой, но уютной комнате. Здесь камин и ковёр на полу. Мягкий. Зимой здесь ещё уютнее. В этом доме все комнаты были обустроены без моего вмешательства. Если бы... меня кто-то спросил... я бы сказала, что *не* всё мне здесь нравится...

Если бы меня кто-то спросил... смешно...

Откидываюсь на спинку кресла, делая ещё один глоток из кружки. Чувствую на себе другой взгляд. Не сулящий ничего хорошего. Встречаю его своим поверх дымящейся поверхности травяного варева.

– Что с тобой сегодня? – сухо интересуется Марат, постукивая пальцами по массивному деревянному столу.

Сама не знаю. Обычно я не даю выступления два дня подряд. Это сильно выматывает.

– Вспышки на Солнце, – пожимаю я плечом, глядя в свою кружку.

– Попробуй завтра устроить что-нибудь, я оторву Максуту яйца и скормлю их твоей говнособаке.

Смотрю на него в шоке и панике. Я забыла о том, что он всё-всё замечает! Я не знаю границ его жестокости... по правде говоря, я знаю только слухи и сплетни... я в этом доме как в коробке. Ну в очень большой коробке.

– У меня как раз другие планы, – говорю хриловато, стараясь сохранить достоинство и независимость.

– Подойди ко мне, – велит Марат.

Поднимаю на него глаза.

Он смотрит на меня, откинув голову назад.

Две верхних пуговицы его рубашки расстёгнуты. Он снял пиджак и закатал рукава. Его ладони увиты венами, пальцы сильные и длинные. Предплечья покрыты чёрными гладкими волосками. На его плоском животе такие же. Прямо под пупком...

На безымянном пальце у него толстая фамильная печатка. Я не знаю, зачем он носит её на этом пальце... не знаю...

Ненавижу...

Он не самый большой красавец... наверное, того же Максута можно назвать более привлекательным...

Но... когда-то... давным-давно я думала, что мой муж самый красивый мужчина в мире. Его тело, его запах, его голос... это то, что живёт во мне. Несмотря ни на что. Я не могу вытравить это из себя, как ни пытаюсь. Я и сейчас считаю его самым привлекательным в мире. Дура.

В одном ему не откажешь. Когда он рядом, я чувствую себя в полной безопасности. И здесь, в этом огромном доме, я тоже чувствую себя в безопасности. Потому что здесь даже комары летают по расписанию!

– Мира, – понукает он меня, вырывая из мыслей, которыми я с ним никогда не поделюсь. Никогда.

Ставлю кружку на стол и встаю, обходя его.

Марат широко разводит колени и кивает на пол у своих ног.

– На колени, – велит он, небрежно кладя предплечья на подлокотники кресла.

– А что, твои шлюхи не ублажили тебя сегодня? – спрашиваю, останавливаясь перед ним. Чувствуя предательское возбуждение.

Я не понимаю, как это происходит.

Это всё взаимосвязано. Когда он приказывает. Когда он возбуждается на меня. Когда смотрит так, как сейчас. С абсолютно наглым желанием. Я хочу его в ответ. Всегда хочу его в ответ.

Я ни разу не попросила его о сексе с тех пор, как он стал другим.

Ни разу.

– Хочу использовать тебя по назначению, а то заржавеешь, – говорит мой муж, скользя по мне глазами.

Ненавижу.

Мысли о нём и других женщинах сжигают меня изнутри. Отравляют. Губят меня. Я не знаю, сколько их, кто они, какие. Только по сплетням. Я не хочу ничего знать. Однажды я решила, что буду брать от него удовольствие так же, как он берёт от меня.

– Может, ты сам у себя отсосёшь? – предлагаю, склоняя набок голову и делая вид, будто всерьёз прикидываю возможности его тела.

– Закрой рот и опускайся на колени, – спокойно обрывает он меня, но моё сердце на секунду пропускает удар, потому что мне показалось...

Что со мной сегодня?

Мне показалось... будто я видела краешек улыбки на его твёрдых губах...

Эта мысль подкашивает мои колени, так что я опускаюсь на них, положив руки на его бедра.

– Так мне закрыть его или открыть?.. – уточняю, но очень взволнованно, подняв на него глаза.

– Заткнуть, – бросает он двусмысленно.

Очень смешно.

Никакой нежности, напоминаю себе. Ни грамма... не смей...

Тяну ладони к ремню его брюк и распускаю его, стараясь дышать спокойно. Он наблюдает. Расстёгиваю ширинку и сдвигаю вниз трусы.

Смотрю в его глаза, проходясь по губам языком.

Он возбуждён. Не на сто процентов, но и не на пятьдесят.

Опускаю голову и обхватываю полуэрегированный член ладонью, вбираю в рот головку.

Слышу шумный вдох и прохожусь по нему зубами. В ответ на мою провокацию он мгновенно становится твёрдым как камень. Я чувствую, как намокает моё бельё, как напрягаются соски. Хочу его губы. Жадные. Горячие.

Ненавижу.

Требовательные пальцы зарываются в мои короткие волосы. Толкают мою голову вперёд. Кашляю.

Он тут же прекращает движение, давая мне возможность отдышаться.

Выпускаю его и беру опять, лаская головку языком, и двигаю рукой...

– Иди сюда, – хрипит Марат, таща меня за волосы вверх.

Подается вперёд и накрывает мой рот своим. Обводит его языком. Всасывает в себя мой язык, запуская руку мне под платье и просовывая пальцы в мои трусики.

Дёргаюсь и впииваюсь руками в его плечи.

Он тянет трусики вниз по моим ногам и обхватывает мои бёдра ладонями, заставляя оседлать себя. Снова накрывает мои губы своими, придерживая член, чтобы я смогла опуститься на него. У него на шее и висках пот. По моей спине тоже стекает капля. Давление и толчок. Низ живота пронзает сладкая боль.

– Ммм... мм... – кричу, ненавидя себя, и начинаю двигаться на нём.

Его пальцы сжимают в мою талию. Он дёргает платье вниз, обнажая одну грудь, и впиивается в неё ртом.

Скулю, комкая в руках его волосы.

Он терзает мой сосок, возвращая руки мне на талию, и забирает контроль.

Вбивается в меня быстро и жёстко, работая своими бёдрами и насаживая меня на себя.

Кричу, взрываясь, и выгибаюсь на нём.

Слышу приглушённый рык, когда мой муж выплёскивает в меня своё семя.

Ненавижу...

Падаю ему на грудь, обессиленная и размякшая.

Чувствую, как горячо и влажно между ног. Как он пульсирует внутри.

Дышу его кожей. Он никогда не запрещает касаться его, как мне хочется, поэтому лежу на нём, зажмурившись.

– Исчезни, – устало велит Марат, вызывая противный ком в горле.

Встаю с него неуклюже. По внутренней стороне бедра стекает капля.

Не хочу смотреть ему в глаза. В моих стоят слёзы.

Ненавижу.

Быстро оправляю платье и, пошатываясь, спешу к двери, цепляясь каблуками за ворсистый ковёр.

Выскальзываю вон, не оглядываясь, и бегу наверх. Смыть с себя его запах.

Глава 5

Смотрю на своё отражение, любовно поглаживая ладонями широкие чёрные складки старомодного траурного платья. Оно чуть ниже колена. Тяжёлое и неудобное. Но я потерплю. Всё для тебя, любимый.

Просовываю ноги в балетки под монотонный голос Фатимы.

– С огнём играешь, Мира... – причитает она, безжалостно затягивая шнуровку корсета. – Откуда только силы берутся... ешь как мышка...

Я миллион раз задавалась тем же вопросом и ответ на него смогла принять лишь после тяжелой внутренней борьбы под названием «прекрати-врать-сама-себе-ты-мне-самой-противна».

Это глупо... так глупо...

Мои силы берутся от НЕГО.

Он может как лишать меня их, так и возвращать назад. Иногда мне кажется... что он делает это осознанно...

Сначала забирает, высасывает, а потом вколачивает обратно... порой не давая мне уснуть до самого утра... заставляя кричать от удовольствия, плакать, проклинать его и... просить ещё...

Контраст его поведения сводит меня с ума! Злит. Терзает.

Дразнит.

Ненавижу! Что он сделал со мной?!

Рядом с ним я всегда чувствую пульс жизни. Чувствую её вкус, её зов. Его энергия практически осязаема. Он мало спит, мало ест, но он всегда в движении и вокруг него бесконечное движение. Я будто нахожусь в эпицентре каких-то событий. Просто этот эпицентр – тот самый человек, чью фамилию я ношу.

Откуда берёт силы он сам?..

Этого я не знаю!

Не знаю!

Он не подпускает меня близко. Я давно перестала пытаться.

Вздыхаю и прохожусь расчёской по волосам.

Его неделю не было дома. Где он был, с кем и зачем?

Не хочу знать...

Хочешь...

Нет, не хочу...

Хочешь.

Замахиваюсь и швыряю расчёску в стену.

Чили, до этого безмятежно лежавший на мягком пуфе, с лаем подскакивает и начинает носиться по комнате как волчок.

Фатима закатывает глаза, а я кусаю губу, улыбаясь. Пытаюсь сдержать смех, но он прорывается, заставляя меня давиться воздухом. На душе становится легче. Смотрю на своё отражение и пробую одну из своих печальных улыбок, но потом решаю, что к этому платью больше подойдёт что-то кроткое...

– ...непослушная ты, Мира... – ворчит Фати, собирая с пола мою одежду и вырывая её у Перчика из пасти.

Сегодня у моего мужа день рождения.

Я всю неделю готовилась.

На моём лице ни грамма косметики. Без косметики я довольно бледное создание. Но моя бледность составляет чудесную пару траурному наряду.

Сегодня у нас в доме гости... наверно, весь город соберётся. Разумеется, только избранные.

Это впервые. Впервые он зовёт гостей в дом.

Фати сказала, что будет человек сто, не меньше...

Я волнуюсь и нервничаю... конечно, от меня никто не ждёт исполнения обязанностей хозяйки (я и не знаю, как это делать!), но я всё равно волнуюсь. В нашем доме никогда не бывало столько людей одновременно.

И я приготовила подарок.

Он лежит на кровати. Коробка средних размеров, перевязанная чёрной лентой. Внутри наша с Чили фотография, где я с благожелательной улыбкой показываю своему супругу средний палец.

Может... он вообще открывать его не будет...

Почему от этой мысли мне так больно?

Потому что ты дура.

Втройне дура, потому что хочешь ЕГО увидеть. И терзаешься тем, что он не нашёл времени заглянуть в эту чёртову комнату в свой день рождения!

Прекрати. Это ведь не в первый раз...

На мой день рождения он КУПИЛ... бриллиантовый браслет. Я его ни разу не надевала. Я вообще не ношу ничего из того, что он дарил.

Он вернулся рано утром, а сейчас уже четыре. И у него нескончаемый поток визитёров.

Горестно вздыхаю, теряя внутренний контроль, и смотрю на свои руки. Я не ношу обручальное кольцо. Ему плевать.

Но... я всё ещё вижу намёк на улыбку, исказивший его губы... там, в кабинете... будто ему не плевать...

И что?

Я не знаю...

Не знаю!

– Оставь его вместе с другими в холле... – кивает Фати на вызывающую коробку.

Смотрю на экономку тоскливо и шепчу:

– Я хочу сама...

– Ох... Мира... – печально качает она головой. – Не нужно...

– Я сама... – повторяю более уверенно.

Фати вздыхает и что-то бормочет себе под нос.

Бросаю ещё один взгляд на своё отражение и выхожу из комнаты, прихватив подарок.

Моё появление на лестнице – это триумф. Правда, пока среди прислуги и охраны. Мириады раскрытых ртов и изумлённых глаз. А вообще, здесь была суета. До моего появления.

Плыву по лестнице, игнорируя всех этих людей.

Я так привыкла к нездоровому вниманию, что даже не краснею. Помимо всего прочего, меня интересует реакция только одного-единственного человека...

Вышедший из-за угла Максут резко притормаживает. Он такой же угрюмый, как всегда. Чинно киваю. Его брови комично ползут вверх, пока голова поворачивается вслед за мной. Прощаю ему эту бестактность, всё-таки он тут новенький.

Сворачиваю направо, проходя через арку малой гостиной, затем сворачиваю в коридор, где меня ждёт заветная дверь...

Чем она ближе, тем слабее моя уверенность...

Вдруг у него там люди?

Фати сказала, он уже час никого не принимает...

Мои ладони потеют. Малодушно замедляю шаг, по очереди обтирая их об платье...

Зажимаю подарок под мышкой и принимаю безразличный вид. Это одна из моих масок.

Но я очень волнуюсь...

Я... хочу его увидеть...

Дура.

Входить в его кабинет кому-либо без разрешения запрещено, поэтому так и делаю.

Тихонько толкаю массивную дверь и ступаю внутрь.

Моих ушей касается мелодичный женский смех, который вызывает мерзкую горечь во рту, а открывшаяся картина застаёт врасплох настолько, что я замираю на пороге.

На рабочем столе моего мужа, закинув ногу на ногу, сидит...

Это просто...

Я... обескуражена...

Чувствую, как округляются глаза...

На его столе сидит Зара... в потрясающем золотом платье... и с бокалом шампанского в руке...

Она сидит на его столе!

Марат расположился в своём кресле, откинувшись на спинку и вытянув перед собой ноги, а Аид... подливает золотой гостье шампанского...

Они явно прекрасно проводят время...

Мой муж одет в белую рубашку и чёрные джинсы. В руке стакан с водой.

Марат... он не пьёт... по крайней мере, я этого никогда не видела.

Я не могу оторвать от него своих глупых глаз!

Он расслаблен и... весел... на губах ленивая улыбка... которая исчезает, когда он видит... незваную меня в дверях своего кабинета.

Теперь они все смотрят на меня...

И я смущаюсь...

На лице Зары возникает смесь неловкости и недоумения, пока она изучает мой наряд. К щекам приливает кровь.

Какого... чёрта он притащил её... в наш дом?..

Аид откашливается в кулак.

Мои внутренности сжимаются и опускаются.

Глаза Марата неторопливо изучают меня с ног до головы и задерживаются на коробке, которую я сжимаю в руках. Медленно ползут по чёрному подолу вверх, пока не достигают моих глаз.

Проведя языком по зубам, он говорит:

– Чёрный тебе не идёт.

Только тут я понимаю, что не дышу. Мне сдавило горло.

Мне впервые за очень долгое-долго-долгое время нечего сказать...

Просто нечего сказать...

Я чувствую себя чёрно-белой кляксой, заявившейся туда, куда не звали! И мне поскорее нужно убраться туда, откуда я вылезла!

Судя по гробовому молчанию, так оно и есть!

Не мешкая, делаю шаг назад и закрываю дверь, параллельно закрывая глаза и мечтая развидеть то, что сейчас увидела.

Оборачиваюсь и смотрю на коридор, обступивший меня со всех сторон. На драпированные стены, на белый потолок.

Мой подарок теперь кажется мне ИДИОТСКИМ! Глупым. Недоразвитым!

Двигаюсь по коридору, бессмысленно глядя в пространство, снедаемая чувством бесконечного одиночества. Ненужности.

Хочу побыть одна... будто я не занимаюсь постоянно тем, что бываю одна.

Посреди холла стоит Максут, шушукаясь с кучкой одинаковых парней. Все чем-то заняты. Все, кроме меня!

Иду на кухню, а через неё к задней двери, по дороге забросив свой подарок в мусорный контейнер.

Минуту решаю, право или лево. Иду налево. К озеру, на которое смотрит дом. По ухоженным парковым дорожкам. Подальше от всего.

Там я сижу до самой темноты, опустив подбородок на колени и наблюдая за тем, как к дому один за одним подъезжают дорогие автомобили. Во всех окнах горит свет. Там праздничный ужин. Может, Зара возьмёт на себя обязанности хозяйки?

Думаю, он будет не против.

Кто вообще заметит моё отсутствие?!

Разумеется, говоря "кто" я подразумеваю только одного человека...

Одного-единственного...

Марат Джафаров... я тебя ненавижу... я... люблю тебя... ооооо нет, пожалуйста... ненавижу, я хотела сказать – ненавижу!

Мой подбородок дрожит, а, когда закрываю глаза, с ресниц срываются слёзы, которые я давя всеми силами.

Я не вернусь в этот дом, пока не буду уверена в том, что её там нет и больше никогда не будет!

Ложусь на траву, раскинув руки, и смотрю в потемневшее небо, распятая мыслями о том, что он был с ней... возможно, сегодня...

От этого я вся внутренне сжимаюсь. Холодею.

Я вдруг понимаю, что не смогу быть с ним, если это действительно так...

Просто не смогу...

Как мне жить дальше? Я не смогу быть с ним после ни одной другой женщины. Больше никогда!

– Мира?.. – слышу тихий голос своей тени и, вывернув голову, вижу его ботинки вверх тормашками.

– Ммм?.. – отзываюсь, возвращая взгляд небу.

– Пора домой, – говорит Максут, опускаясь на корточки надо мной.

– Не хочу... – шепчу, не двигаясь с места.

– Мира, – вздыхает он.

Никто не заставлял его быть моей тенью. Пусть попросится в другой окоп!

– Уходи, – велю ему, утирая слёзы. – Я не корова.

– Не усложняй.

Какой же он занудный!

– Проваливай.

– Мне велено привести тебя домой.

– Так веди.

– Ты знаешь, я не могу к тебе прикасаться.

– Тогда пусть он сам придёт за мной.

– Он не придёт, – очень мрачно отвечает Максут.

– Придёт... – шепчу, закрывая глаза.

– Нет.

Сажусь и срываю с ноги балетку, кипя от злости и обиды. Швыряю её в эту каменную башку с криком:

– Тогда я останусь здесь до утра!

Моя обувь ударяется о плечо этого умника, а потом рикошетит о моё.

– Бл*ть... – бурчит тот, мученически поднимая глаза к небу.

Отправляю в него вторую балетку и возвращаюсь в исходное положение.

Он придёт...

Придёт...

Глава 6

Летняя ночь – нежная хозяйка. Баюкала и оберегала мой тревожный сон под пение сверчков, а утро... утро в таком случае злой отец, потому что вместо прохлады я чувствую холод, который пробирается под пиджак Максута и кусается.

Ёжусь и стряхиваю с ресниц сон, принимая вертикальное положение.

Моя тень безмолвно сидит за спиной, положив запястья на согнутые колени. Наконец-то смиренный и молчаливый. Может быть, он спит с открытыми глазами? Я слышала, эти парни такое умеют.

Подол моего платья мокрый, как и моя обувь. Спину ломит, а корсет – это пыточный инструмент, и я хочу скорее от него избавиться.

Мне хочется выплюнуть своё сердце и свою душу, чтобы они прекратили этот жалобный тоскливый вой. Тру кулаком грудь, глядя на огромный старомодный дом по ту сторону озера. Непрístupный, как и его хозяин.

Запрокидываю голову, закрыв глаза, и делаю глубокий вдох. До боли в лёгких. Воздух свежий и влажный. Бодрящий. На моих волосах туман.

Спрашиваю хриплым скрипучим голосом, не оборачиваясь:

– Который час?

– Шесть, – отвечает Максут.

Шесть.

Очень неловко поднимаюсь на ноги и потягиваюсь, разминая шею. Плетусь по мокрому изумрудному газону, и стряхиваю с плеч огромный пиджак. Забавно, что такому большому сильному мужчине приходится терпеть мои прихоти.

– Спасибо... – шепчу, протягивая ему вещь.

Он молча забирает его из моих рук, пока я осматриваю утренний парк.

Туман делает его каким-то... таинственным. А тишина вокруг давит на уши как самый громкий крик. Слышу шелест за спиной и гляжу на своего охранника через плечо. Он наблюдает за мной напряжённо, отряхивая колени.

Наверное, думает, что я хочу продолжить выступление. Но я не хочу. Я ничего не хочу.

Разворачиваюсь и молча плетусь к дорожке, обняв себя руками.

Иду так медленно, как только возможно. Я не хочу видеть своего мужа, а в это время он завтракает. Мы завтракаем. Он ни разу не отступил от традиции. Он всегда чётко следит за временем. Своим и... моим...

По дороге встречаю садовников, которые смотрят на меня изумлённо. Понимаю почему, только оказавшись в доме. Умываюсь в туалете первого этажа и смотрю в свои глаза. Мои волосы влажные и лохматые, а на щеке след от травы.

Я выгляжу ужасно.

Так, будто моими слезами заполнили озеро и все краны в доме.

Но у меня нет сил что-то с этим делать.

В холле я вижу Фатиму, она плачет и семенит ко мне. Её седой пучок съехал набок, а платье измято.

– Мира... – каркает экономка, заглядывая в мои заплаканные голубые глаза своими поблёкшими карими. Добрыми. – Мокрая вся... – Её руки трут мои плечи, пока она силится что-то мне сказать, а потом хлюпает носом и бормочет: – Ох... он хочет тебя видеть... девочка моя...

Хмурюсь и смотрю на дверь столовой.

Фати кладёт ладонь мне на щеку, поджав губы, а потом прячет глаза и уходит, опустив голову. Смотрю ей вслед хмуро. Смотрю на Максута. Он делает то же самое. Смотрит вслед экономке. Потом смотрит на меня.

Помедлив, иду в столовую.

Мой муж сидит на своём месте, как всегда обложенный документами. В рубашке без галстука, а волосы зачёсаны назад. Чёрные и гладкие. Лицо сосредоточенное и... хмурое. Его локоть стоит на столе, пальцы прикрывают губы и заросший щетиной подбородок.

Смотрю на него, уронив руки вдоль тела.

Он не побрился, отмечаю отстранённо.

Милена что-то активно печатает в ноутбуке.

Всё как всегда.

Будто я не умерла в том парке сегодня ночью.

Марат поднимает глаза и откладывает документы. Не спуская с меня глаз, велит помощнице:

– Милена, выйди.

Та мгновенно встаёт и направляется к двери, бросив на меня быстрый любопытный взгляд. Отхожу в сторону, пропуская её, а потом иду к фуршетному столу, на котором стоит еда.

Чувствую на себе его взгляд. С ним всегда так. Я чувствую его присутствие, будто он касается кожи. Когда мы поженились... я не могла им надыхаться... постоянно брала его за руку, постоянно искала его губы... он позволял и всегда отвечал... я боялась, что он исчезнет, а я проснусь...

Беру тарелку и кладу на неё ломтик бекона и яйцо. Наливаю сок и иду за стол, глядя в пространство.

– В десять приедет твой отец, – касается меня низкий хрипловатый голос.

Мой отец?

Я не видела отца год. И не хочу видеть.

Опускаюсь на стул и поднимаю на Марата глаза. Он не смотрит на меня. Он смотрит в окно.

Сглатываю, поднося к губам стакан. Пью. Жадно.

Мне это не нравится... то, что он отвернулся.

Молчу, потому что у меня нет сил говорить. Я всю ночь ждала его у озера. Ждала, кипя обидами и ревностью. Ждала и ждала, пока не... уснула.

– Ты возвращаешься к отцу, Мира, – вдруг шокирует он меня, поворачивая голову.

Смотрит твёрдо и непреклонно своими чёрными глазами, сжимая в кулак ладонь, лежащую на столе.

Роняю стакан на стол, чувствуя, как отнимаются ноги и руки.

Минуту смотрим друг на друга. Мои глаза в панике блуждают по его лицу в поисках подсказок...

– Ты... дашь мне... развод?... – спрашиваю севшим голосом, вдруг наполняясь леденящим страхом.

– Нет, я расторгаю наш брак, – говорит он, сохраняя каменное выражение на своем красивом и таком отстранённом лице. – И возвращаю тебя отцу.

– Расторгаешь?... – шепчу, проговаривая эти ужасные в своей простоте слова. – Возвращаешь?..

– Да, – говорит он, глядя на меня исподлобья. – У нас нет детей. Я имею на это право. Твоё приданое я уже вернул. Фатима собрала твои вещи...

Смотрю на него с таким ужасом, что он замолкает, сжав губы. Мой рот сам собой открывается, чтобы я не умерла от удушья. А когда делаю вдох, из глаз катятся слёзы, за ними следует судорожный выдох.

– Ты сейчас шутишь?... – спрашиваю вибрирующим голосом. – Шутишь, да?..

Он запрокидывает голову и глубоко вдыхает. Его грудь поднимается и опускается. А когда он снова на меня смотрит, я вижу это в его глазах.

Это не шутка!

Не... шутка!

– Тебе пора домой, – говорит мой муж отстранённо, продолжая удерживать мой взгляд своим.

Вскакиваю и сметаю со стола свой завтрак.

– Опозоренной?! – ору, ударяя руками по столу. – Что ты делаешь со мной?! Что?!

– Мира, – гаркает он, вскакивая тоже. Его стул падает и ударяется о стену. Он упирается кулаками в стол и мрачно сообщает: – Я вернул приданое тебе. Ты обеспеченная женщина...

Запрокидываю голову и начинаю реветь, пошатнувшись.

Я никогда не плакала вот так. Как в последний раз. Навзрыд. Наизнанку.

Срываюсь с места и начинаю всё крушить. Швыряю на пол всё, что попадает под руку. Посуду, еду, приборы.

Кажется, я сошла с ума...

Я не контролирую себя. Будто смотрю со стороны на то, что творят мои руки.

– Прекрати... – с рыком требует Марат, обхватывая меня руками и прижимая спиной к своей груди.

Как стальными тисками.

Его шумное дыхание обжигает мой висок. Меня колотит и трясёт. Ору, выворачиваясь и брыкаясь, но он сильнее. Ору и рыдаю. Рыдаю, потому что...

– Я не хочу! Слышишь?! – кричу, вцепившись в его запястье.

Я ненавижу себя. Забыв о Заре, презрев все мыслимые человеческие достоинства, охрипшим голосом ору:

– Не хочу! Не хочу! Мой дом здесь!

– Больше нет... – шепчет он мне на ухо, сдавливая ещё сильнее.

Его тело – как камень за моей спиной! Почему, почему он такой сильный?! Такой все-сильный, а я такая слабая?!

– Ты не можешь... это незаконно! – скулю, оседая в его руках. – Ты трахал меня четыре года!

– Я всё могу, – обрывает он.

Его лицо где-то в моих волосах. Его руки повсюду.

Мои колени как желе. Вырываю, отдираю от сердца слова, которые давно ношу в себе. Откидывая голову на его плечо, сквозь слёзы выкрикиваю:

– Я люблю тебя! Люблю тебя!

– Мира... замолчи... – шепчет он, прижавшись губами к моей щеке. – Замолчи...

– Люблю! – кричу, выворачиваясь в его руках.

Обвиваю его шею, повисая на нём. Прижимаюсь губами к тёплой жилке и повторяю, повторяю, повторяю:

– Люблю тебя, люблю, люблю...

– ЗАМОЛЧИ! – рычит он, пытаясь отодрать меня от себя.

– Не отсылай меня... пожалуйста... пожалуйста... Марат... – повторяю как скороговорку, как заклинание. – Я твоя жена...

– МАКСУТ! – сотрясает комнату его громогласный крик, безжалостные руки сжимают мои плечи.

Цепляюсь за него. Ужас от того, что я его больше не увижу, придаёт мне сил. Вырываю пуговицы на его рубашке, когда он отталкивает меня назад.

– Забери её... – хрипит мой муж, резко поворачиваясь ко мне спиной.

– Нет... не трогай! Ааааааа... Марат! – визжу, отбиваясь от Максута, и бью ногами воздух, глядя в удаляющуюся широкую спину. Он проводит рукой по волосам и выходит из столовой широким шагом, отшвырнув ногой стул, который валяется на полу. – Марат! – ору ему вслед, теряя его силуэт за пеленой слёз.

– Фатима! – кричит мой охранник, таща меня в холл, а потом наверх.

Ничего не вижу вокруг. Только темноту. Спасительную.

Не хочу возвращаться оттуда.

Не хочу...

Два часа спустя я покидаю дом своего мужа, не оглядываясь. В чёрном траурном платье и с Чили на руках. Фати влила мне в глотку очередное варево, наверное, придуманное на тот случай, когда нужно забрать у человека волю и все силы.

Мои руки и ноги ватные, а в голове пусто. Как и в сердце. Там у меня пустыня. Выжженная. Вытопанная.

Лицо моего отца недовольное.

Мне плевать.

Я не взяла с собой ничего. Ничего из своих вещей. Они не мои. Как и этот дом. Как и его хозяин.

Глава 7

Две недели спустя...

Все знают, что на рабочем столе моего отца красуется коллекционный религиозный двухтомник, который ему подарил один очень уважаемый в городе человек в знак почтения. Мне к этим книгам с детства прикасаться было запрещено. Даже пыль с них стирали строго по расписанию. Я бы и не стала к ним прикасаться. Они большие, тяжёлые и унылые. Там нет картинок. Да, я всё же заглянула внутрь. Однажды.

Я не знаю, что толкает меня на эти поступки. Какие-то потусторонние силы, наверное? Тогда мне сильно досталось...

Я не простила. Это всего лишь книги. Старая рухлядь. Если... если у меня появятся дети... я буду позволять им... всё-всё...

Мои дети...

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, прогоняя ком, сдавивший горло. Дышу так минуту, а может, больше. Сейчас я справляюсь гораздо быстрее, чем неделю назад. На этой неделе я другая. Другая Мира. Я перестала понимать, что вокруг меня творится. Я просто делаю то, что хочется, не думая о последствиях.

Всем плевать.

Я невидимка...

Да, невидимка.

Меня будто не существует. Я обнаружила это недавно. То, что без своего...

О нет... это имя нельзя называть... только... не произноси...

Без... НЕГО меня будто нет. Сама по себе я никому не интересна. Сама по себе я не представляю никакой ценности. Вообще! Я не думала, что такое возможно. Он... расторг наш брак... отказался от меня... самым позорным способом. Самым унижительным.

Нет унижительнее способа отделаться от жены, чем расторгнуть брак с ней. Вернуть её домой. Бесплезную.

Об этом знают ВСЕ! Весь город! Будто они не знали раньше, что я ему не нужна... что я для него никто...

Я... бракованная. Никому не интересная. Никому не нужная.

Он просто... вышвырнул меня из своей жизни...

Шлёпаю себя рукой по здоровой щеке. И ещё раз. И ещё разок. Я не могу постоянно плакать. Я противна сама себе. За то, что каждый вечер, выключая свет и ложась в постель, мечтаю проснуться... дома...

Марат Джафаров... я тебя ненавижу...

Покинь мою голову!

Убирайся!

Когда... мой отец понял, что я ничего не знаю о его делах... был зол. В ТОТ день... он допрашивал меня до самой ночи...

Мучил-мучил-мучил...

Давил, угрожал... бесконечными вопросами... я не стала бы делиться, даже если бы знала хоть что-нибудь!

Но я ничего не знаю!

НИЧЕГО!

Ничего не знаю о человеке, с которым прожила четыре года! Каждый день. Каждую ночь. Либо с ним, либо в ожидании его.

Ничего не знаю, кроме его вкуса и его запаха. Его голоса. Чувства защищенности и бесконечной борьбы с самой собой!

Мой отец сказал, что я главное разочарование в его жизни. Я сказала, что думаю о нём так же. Он велел мне... закрыть рот... а я... я посоветовала ему сделать то же самое, за что получила по лицу тем самым двухтомником.

Я ушла в тот же день. Не взяв ничего, разумеется, только Чили.

От раската грома, сотрясшего помещение, потрескивает лампочка под потолком. Дёргаюсь и открываю глаза, ловя своё отражение в карманном зеркальце. Осторожно наношу мазь на припухшую скулу и отёкшее веко.

Звон дверного колокольчика привлекает моё внимание. Захлопываю зеркальце и выглядываю из-за барной стойки.

– Ура! – выдыхаю с облегчением.

В уютное кафе с двумя столиками, стряхивая с капюшона капли дождя, заходит кареглазая брюнетка с потрясающими шёлковыми волосами, которые она всегда собирает в косу. Это грех: прятать такую красоту. Хотя коса тоже красивая. Как и её хозяйка. По крайней мере, на мой взгляд.

Это Тина. Она моя кузина. Мы родились в один день с разницей в один год. Она родилась первой. Мы не общались много лет. Четыре года. Сейчас мне за это стыдно, потому что я знаю... она искала встречи.

Тина оставила меня за главную на пятнадцать минут, но я молилась о том, чтобы никто не пришёл. Хотя это и в ущерб её бизнесу. Тина показала мне как пользоваться кофемашиной, но я настолько не приспособлена к жизни, что вообще ничего не запомнила. Она тоже это поняла.

– Как дела? – спрашивает сестра, пристраивая свой плащ на напольную вешалку.

– Отлично, – тут же отзываюсь я, упираясь руками в стойку. – Никого не было.

Она скептически улыбается и фыркает. Обе вжимаем головы в плечи, когда раздаётся очередной «бам». Лампочка мигает, стеклянная витрина трясётся.

Я живу у Тины уже семь дней.

Её квартира находится над кофейней. В старом доме с арочным проходом во двор.

Уже семь дней... я почти бездомная.

Я понятия не имею, как получить свои деньги.

Наверное, я не должна была уходить от отца вот так. Но я не вернусь назад ни за что. Даже за деньгами.

Я оказалась совершенно не готова к реальной жизни. Мне не к кому обратиться за советом. Я очень благодарна Тине за то, что она кормит и одевает меня уже семь дней, хотя дела у неё идут не очень хорошо... и у нас разный размер ноги. Её одежда мне сильно коротка.

Особенно я благодарна ей за то, что она ни разу не упрекнула меня в том, что мой еженощный плач мешает ей спать. Да, я плачу. А она... обнимает меня. Молча. Она всё обо мне знает. Как и все другие. Те, кому до меня нет дела.

– В кафе напротив ищут официантку, – сообщает Тина, кладя на стол коробку с моими любимыми пончиками.

– Официантку?.. – переспрашиваю, открывая коробку и отламывая кусочек присыпанного пудрой лакомства.

Я раньше не ела уличную еду. И очень зря. Мне... нравится...

– Да, Мира, – закатывает она глаза, обходя стойку и жестикулируя. – Официантки, ну знаешь, они разносят еду.

– Ты... думаешь, я справлюсь? – спрашиваю на полном серьёзе.

Тина глубоко вздыхает и проходит за кассу. Осматривает меня с ног до головы и резюмирует:

– Мне не чем платить за аренду в следующем месяце.

– Это же через... девять дней? – уточняю я, скармливая себе пончик.

– Ага, – кивает она.

Тина – авантюристка. Мне так кажется!

Что ж. Это... отличный стимул.

Смотрю в залитое дождём витринное окно. На противоположной стороне дороги кафе «Наилия» с красно-белым полосатым козырьком. Снова смотрю на Тину и неуверенно говорю:

– Мне идти прямо сейчас?

– Думаю, да, – сохраняя серьёзную мину, кивает она.

Ладно.

– Я раньше никогда не работала, – сообщаю, подходя к вешалке и снимая с неё мокрый плащ.

– Это отличный старт, – всё так же серьёзно говорит она.

– Ты издеваешься надо мной? – требовательно спрашиваю я.

– Да, – пожимает она плечом.

Смеюсь, просовывая руки в рукава. Берусь за ручку и открываю дверь, за которой бушует непогода.

– Мира? – летит мне вслед.

Поворачиваю голову и смотрю на сестру.

– Ты их порвёшь, – пытаюсь сдержать улыбку, выдавливая она, но потом начинает хохотать, обняв свою старомодную кассу, которая здесь для вида. Она не работает.

Выхожу под дождь и перебегаю дорогу. Здесь одностороннее движение. Это старый центральный район города. Очень колоритный. Я... раньше здесь не бывала. Мне кажется, что я вообще жила в параллельной реальности. В каком-то другом мире. Своем мире.

Мне нравится в городе. Нравится в кофейне. Нравится... компания Тины.

И я... хочу работать...

Это значит встречать других людей...

Общаться...

Как нормальные люди...

Но вместо того, чтобы смотреть под ноги я... смотрю по сторонам. В глупой-глупой надежде увидеть где-то... знакомый... силуэт... чтобы поверить в то, что я не одна...

Я ждала его... ждала, что он придёт за мной...

Если бы... он только вышел из-за угла... вот так просто... я бы бросила всё-всё... я бы вернулась домой... я хочу домой...

Хочу к нему...

Подставляю лицо дождю и жмурюсь.

Хватит... хватит... хватит...

Он не придёт! Нет!

Просто не думай. Шёпот в моей голове. Молит. Просит. Не думать. Это здравый смысл.

Я всё ещё существую в двух реальностях...

Всё ещё не понимаю, где я нахожусь...

Просто двигайся...

Открываю дверь и захожу внутрь. Не похоже на то, чтобы здесь было много работы. Занято от силы четыре столика. Но ведь сегодня понедельник.

Прохожу к барной стойке, за которой стоит тощий парень в больших наушниках.

Машу ему рукой и говорю, улыбаясь:

– Привет! Я насчёт работы.

Он незаинтересованно бросает:

– На большие заработки не рассчитывай. Мы закрываемся через месяц.

– Супер, – киваю я на автомате.

Он поднимает на меня глаза, и безмолвно спрашивает: «Серьёзно?»

– Это моя первая работа, – поясняю я быстро.

– А, ну супер. Какие цели ставишь?

– Карьерный рост.

– Аааааа... – тянет он. – Мой брат менеджер в ресторане «Башня», если доработаешь до конца следующего месяца, пристрою тебя туда.

Я ничего не знаю про этот ресторан.

Отсутствие реакции возмущает моего нанимателя.

– Алё, – говорит он. – «Башня» – самый дорогой ресторан в городе. Чаевые – как евро-пособие по безработице.

– Почему ты сам там не работаешь? – задаю резонный вопрос, осматриваясь.

– Я бизнесмен, – сухо поясняет он. – Я не работаю на дядю. Фартук там, третий столик ждёт меня. Приступай.

Глава 8

У моего пса раздвоение личности.

Он бывает очень послушным, а бывает очень-очень злым и опасным.

– Чииили... помолчи... пожалуйста... – стону, накрывая голову подушкой, чтобы заглушить его злобный рык у входной двери.

Я очень хочу спать. И нам ещё не время гулять. И на улице снова идёт дождь. Третий день подряд идёт дождь. Всю ночь слушаю, как он барабанит снаружи, а иногда даже смотрю на него, пока не засыпаю обессиленная.

Понимаю в чём дело, только когда раздаётся звонок в дверь, и обречённо сажусь на диване. Этот диван теперь наш дом. Мы здесь спим, здесь же едим. Я никогда раньше не ела в постели, но раньше я никогда не жила в подобии картонной коробки.

Я отбросила все свои манеры, потому что с детства не имела возможности есть перед телевизором. Тина очень приветствует мою деградацию. И ещё... она научила меня пользоваться стиральной машиной и плитой... я очень стараюсь быть полезной, но с готовкой у меня не получается... совсем не получается. У неё, к слову, тоже.

Перчик просто сходит с ума и скалит зубы.

Я сама удивлена этому раннему визитёру. Вообще-то, моё сердце подпрыгнуло от всяких нелепостей, которыми полна моя голова, поэтому сижу, не двигаясь, и напряжённо смотрю на дверь, которая смотрит прямо на мой диван. Тина называет свою квартиру студией, но я бы назвала её... чердачком. Хотя и это преувеличение. Кажется, ванна в... в... в ЕГО доме была больше! И да, я имею в виду саму чашу, а не помещение.

Прячу лицо в руках, считая удары своего сердца.

Кто там за дверью?

Сейчас шесть утра.

– Мира! – хрипит из комнаты Тина. – Открой!

Сейчас...

Затравленно смотрю на приоткрытую дверь спальни, а потом на входную дверь квартиры и встаю. А когда смотрю в глазок, из груди вырывается счастливый стон. Быстро дёргаю замок и распахиваю дверь, захлёбываясь воздухом от восторга.

– Всевышний, чего так разорался! – ворчит моя любимая старушка.

– Фати! – падая ей на грудь, кричу я.

– Мира, девочка моя... – растроганно бормочет она, глядя мои плечи одной рукой. – Похудела...

– Фати... – шепчу, вдыхая запах её старомодных духов.

Я... так рада её видеть... что не хватает слов...

Чили прыгает вокруг нас, как взбесившийся мяч-прыгун и звонко лает.

Улыбаюсь дрожащими губами, заглядывая в мудрые добрые глаза.

– Ох... что с лицом? – восклицает она, проводя сухой ладонью по моей скуле.

– Ерунда... – смеюсь, втаскивая её в квартиру.

Мне правда всё равно. Мой отец не может ранить мою душу, только тело.

– Ерунда?! – рычит Фати, становясь чернее тучи.

В её руке чемодан. На локте – зонт-трость. Опять смеюсь, потому что это... так символично!

– Как ты нашла меня?! – спрашиваю, быстро забирая у неё вещи.

– Да уж не просто... – осматриваясь, продолжает ворчать она.

Усаживаю дорогую гостью на свой проходной диван и бегу налить ей стакан воды.

Я чувствую себя маленькой девочкой. До того мне приятно видеть её здесь. Будто маму, которой я не знала. Моя мама умерла так давно, что я начала её забывать, хоть и сопротивлялась всеми силами!

Фати деловито пьёт, пока глаза её бегают по комнате. Перчик скачет рядом, продолжая плевать лаем.

Запах Фати... это как ментальный след...

Моя улыбка тает, когда я собираюсь с силами, чтобы спросить то, что интересует меня больше всего на свете...

Фатима смотрит в мои глаза и берёт мою руку в свою, опуская стакан на пол. Смотрю на неё с мольбой. Молю не заставлять меня озвучивать то, что мы обе знаем без слов.

– Я уволилась, – горделиво сообщает она.

Приоткрываю рот от удивления. Она быстро продолжает, не муча меня:

– Не видела я его, Мира. С тех пор, как ты ушла, он в доме не появлялся. А я чего там сидеть буду, в этих хороммах? Я бы всё равно ушла, только хотела ему в лицо сначала плюнуть, но не вышло! Не пара он тебе, вот что я скажу! Всегда говорила! Смотрит на тебя как пёс голодный, а потом кусает как шакал!..

– Не... появлялся? – жую я губы. Фати вздыхает и качает головой. – Тогда... где он... живёт?.. – спрашиваю её, вставая.

– Я не знаю, – качает она седой головой и зло требует: – Забуди его, Мира!

Забить?..

Кусаю свой кулак и закрываю глаза.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Как?

Он повсюду! В моих венах! Под кожей!

Жмурюсь сильнее, улавливая звук шлёпающих по паркету босых ног.

Заспанная Тина появляется в дверях, бурча:

– Мира, где его вкусняшки?..

– Что ж вы тощие такие, девицы! – охает Фати, осматривая сестру с головы до ног. – Вы еду едите или воздух?! – причитает она, сбрасывая с головы платок. – А пылищи сколько! Аристократки!

Тина хлопает глазами, глядя то на старый кожаный чемодан у дверей, то на гостью, которая открывает и закрывает кухонные ящики, холодильник и пустые кастрюли, гремя посудой и дверцами, а Чили носится по комнате в очередном приступе собачьего восторга.

Спустя две тарелки вкуснейшего супа я всё же собираюсь на работу, облачившись в джинсы, белую рубашку и... кроссовки. Не помню, когда последний раз носила джинсы, а кроссовки вне спортивного зала не носила вообще никогда. Но бюджет Тины не рассчитан на что-то более изысканное. Кроме того, мне нравится эта одежда.

Она... удобная.

Да, удобная и... функциональная.

Фати пускает слезу, прижав ладони к груди, и желает мне удачи. Тина молча ест, наблюдая за этой драмой. Я объясняю, что это мой третий рабочий день, и я неплохо справляюсь. Даже очень хорошо. У меня почасовая оплата, и я... заработала деньги. Кое-какие.

Мне платят чаевые.

Потому что я... очень коммуникабельная.

Когда не забредаю слишком глубоко в свои мысли.

Целую Чили и выхожу за дверь.

Лечу по ступенькам, очень воодушевлённая.

Пару секунд стою под дождём, позволяя тёплым каплям касаться кожи, а потом раскрываю зонт.

Быстро огибаю здание и перебегаю улицу, моча ноги в бесконечном потоке воды, стекающем по брусчатке.

Кафе встречает меня пустым залом.

За барной стойкой сидит Ильдар – мой работодатель. Освободив от наушника одно ухо и уткнувшись глазами в свои нерадужные записи.

Я думаю, дела здесь идут не очень, потому что здесь ужасный повар. Я ему тоже не нравлюсь, о чём он незамедлительно сообщил сразу после того, как я скривилась от вида их фирменного салата, который так и называется – «Наилия». Я не знаю, кто такая эта Наилия, но, если бы в мою честь сочинили салат, я бы выбрала что-то более лёгкое и эстетичное, а их фирменную мешанину не стала бы есть даже моя собака.

– Пришла, – буркает себе под нос Ильдар, будто удивлён этому, и уныло добавляет: – Заработать хочешь?

– Конечно, – киваю, складывая мокрый зонт и опуская его в держатель.

Смотрю на него, я вся внимание.

– Как твоя фамилия? – всё так же недовольно тянет он, постукивая ручкой по блокноту.

– Джафарова, – отвечаю, не задумываясь, и замираю, прикрыв глаза и отвернувшись.

Делаю вид, будто отряхиваюсь, на самом деле велю себе успокоиться.

– В воскресенье в «Башне» турецкая делегация, – нехотя делится он. – Им нужно пушечное мясо. Подносы таскать и улыбаться, короче, то, что ты научилась делать.

– Я согласна! – говорю быстро, пытаюсь унять дрожь своих рук.

Я немного устала от этого сонного места. Над ним будто кто-то прочёл заклинание.

– Тогда сходишь со мной на свидание, – продолжая смотреть в свои записи, объявляет Ильдар.

Смотрю на него озадаченно.

Свидание?

После своего первого свидания в доме отца я вышла замуж.

В тот день я не могла уснуть до самого утра.

Я боялась... что он больше не вернётся. Боялась, что выберет кого-то другого, потому что я говорила глупости и краснела. Но он вернулся. За мной. Вернулся, даже ни разу не поцеловав. Даже не попытавшись. Он просто смотрел на меня, спокойный и молчаливый. Смотрел и слушал. Слушал меня. Я влюбилась в него за секунду. В его умные чёрные глаза. В мощную ауру. В его лицо, молодое, но мудрое. Влюбилась в его неповторимую харизму. А потом я влюбилась в мужчину. В своего мужа.

Что мне с этим делать?!

Что?!

Для меня не существует других мужчин. Они все просто тени. В них нет того, что мне нужно... они все... другие...

Я ушла из дома, не взяв ничего, только его руку, и четыре года туда не возвращалась...

Трясу головой и спрашиваю хрипло, чувствуя ноющую боль в груди.

– Зачем?

Ильдар сводит брови и кривит губы.

– Потому что у тебя глаза красивые.

– А если не пойду?

– Уволю, – пожимает он плечом.

Глава 9

Ресторан «Башня» – это огромное заведение в европейском стиле в самом центре города. Со швейцаром на входе и парковщиками.

А свиданию с Ильдаром, к счастью или нет, случиться было не суждено.

Осматриваю жужжащий, набитый посетителями зал, хмурясь и пожёвывая губу.

Да уж, дела здесь явно получше, чем в «Наилии», а посетители вообще отдельная тема. Это место не для всех. Очень не для всех.

Мне показалось, что я видела парочку знакомых лиц, но они наверняка *моё* лицо уже забыли. Все эти люди... они для меня чужаки, никто! Им всем было от меня что-то нужно. ДО того, как я перестала иметь хоть какие-то права в своём браке, всем было что-то от меня нужно. Я не знала, что с этими просьбами делать, мне было девятнадцать лет!

Пусть я и провела среди этих и подобных людей всю свою жизнь, они для меня никто! НИКТО! «До»... НЕГО никому не было дела до простушки Миры. После НЕГО – и подавно.

Интерьер выдержан в изумрудно-бирюзовых тонах, напоминающих о море и... свежем морском бризе. В этом и есть задумка...

Высокие потолки украшают сверкающие подвесные люстры, на окнах тяжёлые портьеры. Фирменный логотип красуется на посуде и приборах. Буква «Д» в серебряном круге.

Я знаю точно, где его видела.

Спокойно...

Сердце колотится уже минуты три. Минуты три не могу слова вымолвить, а по спине бегут мурашки.

– Чей это ресторан? – спрашиваю сдавленно, выглядывая из-за плеча администратора.

– Мы входим в один большой холдинг, – отвечает он, поправляя мой бейдж и одёргивая мой жакет. – Кто владелец, не знаю. Что у тебя с лицом? Волосами прикрой...

Трясу головой, сбрасывая прядь себе на щёку.

Мне выдали форму. Брюки, белый жакет, рубашку и чёрную бабочку.

– Тебя что, муж побил?

– У меня нет мужа, – говорю отстранённо, кивая на забитый людьми зал. – У вас всегда так?..

Мои глаза скользят по лицам, отбрасывая не те, перебирая, перебирая, перебирая... чужие глаза, чужие черты... всё не то...

Прекрати...

Не могу...

Я знаю... это ЕГО ресторан...

Каждый третий бизнес в этом городе принадлежит семье. Об этом знаю даже я. Но это место...

Эта бирюзовая обстановка так похожа на... гостиную нашего...

Мира!..

ЕГО... дома. Его! Не... не нашего...

Вдруг... я его увижу? Вдруг он здесь?! Совсем рядом! Я могу его не заметить! Пройти мимо!

О Всевышний! Прекрати!

– Нет. Сегодня аврал, – поясняет администратор, щёлкая пальцами перед моим носом. – Поднос держишь в левой руке, подаёшь правой с правой стороны... – быстро инструктирует

он, прижимая мой локоть к боку и регулируя положение моих пальцев. – Вот так держи. Если у тебя что-то попросят, запомни и скажи мне... больше ничего не делай, просто носи тарелки и забирай пустые.

– Поняла... – шепчу, собирая вместо этого пляшущие мысли.

Честно сказать, все эти простые на первый взгляд вещи не такие уж и простые. Я боюсь подорвать авторитет Ильдара в этом месте. Всё-таки, он выдал мне кредит доверия, хоть и через шантаж. Мне заплатят очень хорошо, если доработаю до закрытия. Я надеюсь, у Тины есть запасной план на случай, если я не справлюсь. Но я буду очень стараться. Половину аренды обещала оплатить Фати, которая теперь живёт с нами. Она заняла комнату, а мы с Тиной спим на диване.

Моя жизнь теперь одно сплошное общежитие, но... мне нравится у Тины... и я... боюсь опять остаться одна, как в тот день...

Не успеваю погрузиться в себя, потому что следующие два часа только и делаю, что ношу тарелки. Возможно, я уже чуть-чуть скучаю по сонной «Наилии».

Официанты в этом месте невидимки на одно лицо. К этому амплуа за последние недели я привыкла. Хотя поймала на себе изумлённый взгляд одной знакомой, но она наверняка решила, что сошла с ума.

– Столик номер пятнадцать просит ещё приборы... – отчитываюсь быстро, глядя в свой блокнот. – А женщина возле камина просит пересадить её ближе к окну. О, и столик семь просит воды...

– Быстро отнеси это за девятый. Они уже сорок минут ждут... – Пихает он мне очередной поднос.

Мне кажется, я близка к тому, чтобы постичь значение эпитета «в мыле».

Скольжу по залу, исподтишка разглядывая всех подряд, а когда возвращаюсь назад, прихватив пустую тарелку, вижу его...

Вернее, я вижу его охрану...

Я знаю этих парней...

Двоих из них...

Один из них... это... Максут...

Эффект сокрушительный.

Я просто замираю на секунду, распахнув глаза, и смотрю, смотрю, смотрю... жадно.

Марат...

Он входит следом.

Я будто падаю на качелях, вцепившись в свой поднос.

На нём джинсы и рубашка. Идеально сидящие. Его волосы отросли и падают на лоб. На лице самая настоящая борода!

Я не знаю, что мне делать.

Я не могу перестать на него смотреть.

У меня в животе холодок.

Он такой замкнутый. Смотрит в свой телефон.

Забываю, где вообще нахожусь. Все системы в моём организме начинают работать с утренней скоростью. Сердце колотится, руки тоже, по спине стекает капелька пота, по ногам бегут мурашки. Всё это сметает ледяной поток, прокатившийся по венам, когда я вижу его компанию.

Это... Всевышний!

Это Зара и Аид! Зара в чёрном платье и с распущенными волосами. И с коллекционным колье на шее...

Их появление не осталось незамеченным.

Шептание слышу даже за своей спиной. Меня он никогда сюда не приводил! Я даже не знала об этом месте!

Быстро забегаю за угол и прижимаюсь спиной к стене, закрыв глаза и громко, очень громко дыша.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Марат Джафаров, я тебя ненавижу!

Ненавижу!

Ненавижу!

Я каждый проклятый день умираю и возрождаюсь, как чёртов феникс, думая до бесконечности о нём, о нас! А он разгуливает по ресторанам со своей любовницей! Будто ничего не случилось! Будто меня и не было!

Но я есть!

Сжимаю зубы и швыряю поднос на стол, рядом с другими.

Минуту решаю, что мне делать, потом разворачиваюсь и отправляюсь в зал.

Тина, я надеюсь, у тебя есть запасной план!

Вспоминаю о том, что не взяла меню.

Плывать.

Что будет есть на ужин мой муж я уже знаю, на остальных мне плевать.

Чувствую ослепляющую злость, а это сильно туманит мозги! Но я знаю, что мне ничего не будет! Просто знаю, и всё!

На моих щеках проступают красные пятна, а сердце продолжает колотиться, особенно когда я оказываюсь рядом с их столиком. Зара и Аид ведут беседу, мой БЫВШИЙ муж делит внимание между ними и своим телефоном.

– Добрый вечер, – приветствую миролюбиво и фальшиво. – Меня зовут Мира, я сегодня буду вас обслуживать.

Марат резко вскидывает голову и за секунду успевает изучить всю меня. Моё лицо, мою форму, мою обувь! Делаю то же самое! Смотрю на него всего! Сжав зубы и сощурив глаза.

Ненавижу!

Эта борода... делает его старше. Делает его агрессивнее. Делает его красивым. Очень красивым. Он выглядит... потрясающе. Как молодой хищник. Сильный, здоровый и опасный хищник!

Ненавижу это. Хочу коснуться его, потому что имею право! Нет, не имеешь! Ненавижу себя! Мира!

– Твою мать... – стонет Аид, и я перевожу на него глаза, просто титаническим усилием вырвав их из плена чёрных глаз своего... бывшего мужа.

В горле пересохло. Я начинаю дышать чаще, чувствуя повсюду его глаза. Даже отвернувшись!

Про Зару вообще забываю. Обо всём забываю.

Это была плохая идея...

– Я готова принять заказ, – хриловато говорю Аиду, доставая свой блокнот.

– Что насчёт меню? – мрачно интересуется он, бросая на брата быстрые напряжённые взгляды через стол.

Я вижу, что Аид нервничает. И это... странно... в общем... плевать мне!

– Меню закончились, – огрызаюсь с упоением, нагло задирая подбородок.

– Может, хоть карту винную принесёшь? – не менее зло огрызается он в ответ.

– Нет, – отрезаю, стуча ручкой по блокноту. – У меня другие столики, побыстрее.

– Какое блюдо дня? – очень-очень вкрадчиво спрашивает мой собеседник.

– Посмотри в интернете, – цежу я.

– Ты самая дерьмовая официантка города?

– Какой ресторан, такая и официантка.
– Что у тебя с лицом?.. – прерывает нашу перепалку низкий хриловатый голос, от звуков которого у меня по затылку ползёт холодок.
– Бл*ть... – страдальчески выдыхает Аид, проводя рукой по лицу.
Вдох-выдох.
Вдох-выдох.
Перевожу глаза на НЕГО, веля себе успокоиться.
Его глаза... впились в моё лицо. Колючие и чёрные.
Сглатываю и чеканю:
– Не твоё дело.
– Кто пустил тебя сюда? – всё также низко и хрипло спрашивает он.
– Думаешь, я искала *тебя*?! – выдыхаю изумлённо.
Он молчит.
Я злюсь ещё больше.
Реши я его искать... меня что, не пустили бы?!
Ненавижу... ненавижу...
Чувствую, как жжёт глаза.
Резко смотрю на Аида и рявкаю:
– Определелись?
– Блюдо дня, – рявкает он в ответ, смотря то на меня, то на своего брата.
– А что будет твоя потаскуха? – осведомляюсь, тоже глядя на его брата.
– Блюдо дня, – наконец-то подаёт голос Зара.
Игнорирую её. Мне плевать на то, что она будет! Мне на неё вообще ПЛЕВАТЬ!
– Чудно, – бросаю я и ухожу, не трудясь принять заказ у НЕГО.
Двадцать минут спустя я возвращаюсь с подносом и бутылкой вина, которую подобрала сама. Принцип был очень простой. Я взяла первую попавшуюся из самых дорогих.
В последнюю очередь ставлю тарелку перед Маратом, и объявляю:
– Приятного аппетита.
Он поднимает на меня глаза. Очень мрачный и спокойный.
Улыбаюсь самой искусственной улыбкой, на какую только способна, и говорю:
– Не знаю, ешь ли ты своих сородичей, но мы никому не скажем.
Он проводит языком по зубам и смотрит в тарелку, где на подушке из листьев салата лежит порезанное на ломтики свиное сердце.
– Можно мне мои чаевые? – любезно осведомляюсь, сжимая и разжимая ладошку перед его носом.
– Твои чаевые у поверенного, – сообщает он.
А вот это удар в самое сердце.
Он называет чаевыми возвращённое мне приданое?
Горло сводит спазм, и я не успеваю запрятать свои эмоции. Они расцветают на моём лице опущенными уголками губ и слезами обиды на глазах.
– А знаешь, – говорю, откашлявшись. – Затолкай их себе в задницу. Мой следующий муж обеспечит меня всем!
Разворачиваюсь на пятках, собираясь покинуть это место раз и навсегда, но моё запястье вдруг сжимают горячие сильные пальцы.
– Марат, бл*ть! – шипит Аид, ударяя по столу рукой.
По *моей* руке бегут мурашки, кожа горит!
Нет!
Не трогай!
В панике пытаюсь забрать свою руку.

Он выпускает моё запястье и молниеносно перехватывает чуть выше локтя. Резко дёргает на себя так, что наши носы почти соприкасаются. Я перестаю дышать, роняя свободную ладонь на его плечо. Под моими пальцами стальной каркас. Его тело напряжено. На моём лице его дыхание. Его глаза смотрят в мои, потом смотрят на мою скулу.

– Я спросил, что у тебя с лицом, – хрипло напоминает он, сильнее сжимая мой локоть.

– Упала... – так же хрипло шепчу в ответ, теряя силы, и молю: – Отпусти, Марат...

Он смотрит на мои губы, потом снова в мои глаза. Я закрываю свои и уже *жалобно* прошу, а не требую:

– Отпусти...

– Что ты здесь делаешь? – повелительно спрашивает он.

Его слышу только я. Мы так близко. Я так... скучала...

Заткнись!

– Работаю, – отвечаю быстро, не открывая глаз.

– Ты уволена.

– Отпусти.

– Открой глаза.

– Нет.

– Марат... – предупреждающе гаркает Аид где-то за кадром.

– Открой. Глаза.

Делаю, как он велит.

Вдох-выдох.

Вдох-выдох.

– Ты непослушная, Мира, – говорит мой муж тихо, касаясь губами моей щеки пониже того места, которое познакомилось с пресловутым двухтомником. – Появишься рядом со мной ещё раз, я тебя отправлю в соседний город, поняла меня?

Моя губа поджимается и предательски дрожит.

– Не появлюсь, – сиплю и скрипуче обещаю ему, дрожа с головы до ног. – Ненавижу тебя... ты мне не нужен...

Он шумно тянет воздух, проводя носом по упавшей на моё лицо пряди, и резко отталкивает от себя со словами:

– Исчезни отсюда.

С силой сглатываю, глядя на его профиль, и, пятясь назад, убегаю, придерживая рукой своё взбесившееся ноющее сердце.

Глава 10

Повиснув на дверце холодильника, изучаю структуру запасов кофейни своей сестры. Она сегодня собирается отправиться на закупку и возьмёт меня с собой.

Здесь, в маленькой подсобке, очень душно. Здесь помещаемся только я и холодильник.

Я уже кое-что понимаю в кофейном бизнесе, но могу с уверенностью сказать, что это... не моё. Я имею в виду бизнес. Я разорила бы любое дело за пару дней, потому что не привыкла считать деньги.

Тогда... чем же мне заниматься?

Я же... я ничего не умею...

Ничегошеньки.

Я не знаю.

Тяжко вздыхаю, глядя на свои кроссовки.

Всю сегодняшнюю ночь я посвятила тому, чтобы решить, как мне жить дальше.

Это была мучительная ночь, как и многие до неё. Его глаза, тепло и нежность твёрдых губ на моей щеке... преследовали меня до самого рассвета, мешая думать о главном!

Ненавижу!

Мешали лелеять злость, ожесточение! Я просто смотрела в потолок, как зомби, ощущая в груди катастрофическую дыру.

После того, что произошло со мной в ресторане «Башня», я вдруг с ужасом и отчаянием поняла: всё ЭТО моя новая реальность. Это место, люди, которые в этот час моей жизни оказались рядом, и я... это... новая реальность. Без... НЕГО.

Я должна двигаться дальше.

Да, должна.

Я буду.

Буду двигаться дальше.

Глаза предательски щиплет. Как я ненавижу это! Как это мне надоело!

Но я... чёрт возьми, ещё не готова просто взять и перезагрузиться!

А когда будешь готова?

Никогда, понятно?!

Я люблю его и ненавижу!

Вот так.

Это самый мучительный коктейль на свете, а я просто блуждаю в темноте, не понимая, что мне делать!

Звон дверного колокольчика оповещает о первом посетителе.

На часах семь тридцать утра. Вообще-то, у Тины не бывает клиентов в это время, но она всё равно открывает кофейню на тот случай, если кому-то всё же захочется ранний кофе.

– Мне нужна Мира, – властно объявляет знакомый мужской голос.

Вскидываю голову, закрывая холодильник.

– Кто спрашивает? – сухо интересуется Тина.

Кусаю губу, не в силах сдержать смешок.

– Ты не знаешь, кто я такой? – раздражённо бросает посетитель.

– У тебя на лбу не написано, – ровно отвечает она, а по моему лицу стелется такая улыбка, что болят щёки.

Семья Тины – очень средний средний класс. Её мать вышла замуж за... босяка. Так говорил отец. Но я очень сомневаюсь в том, что Тина не знает, кто перед ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.